

**Первые шаги в деле охраны памятников
революционного Петрограда
(к публикации документов из личного архива П. П. Покрышкина)**

Резюме. Статья содержит научную публикацию некоторых документов из личного фонда академика архитектуры П. П. Покрышкина (1870–1922) в архиве ИИМК РАН. Документы детально проанализированы в широком историческом контексте и позволяют воссоздать условия, в которых действовали русские ученые-гуманитарии в Петрограде в первые послереволюционные месяцы. Кроме того, в статье приведены ранее не опубликованные материалы о последних годах жизни самого П. П. Покрышкина.

Ключевые слова: охрана памятников, Петроград, П. П. Покрышкин.

Platonova N. I. First steps in the area of monument protection in the post-revolutionary Petrograd (on the publication of documents from the personal archive of P. P. Pokryshkin). The paper is devoted to the publication of some documents from the personal archive of the *academician of architecture* P. P. Pokryshkin (1870–1922). Being analyzed in a wide historical context, the documents shed a new light on the history of monument protection activities in Petrograd in the first post-revolutionary months. In addition, the paper contains hitherto unpublished data about the last years of P. P. Pokryshkin's life.

Keywords: monument protection, Petrograd, P. P. Pokryshkin.

Введение

В личном фонде академика архитектуры Петра Петровича Покрышкина в Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН хранятся два документа, представляющие несомненный научный интерес. Вместе они составляют архивное дело, озаглавленное: «Сообщение П. П. Покрышкина о совещании по созданию Госуд[арственного] Худож[ественного] Совета по охране памятников старины и искусств в России под председательством тов. Луначарского» (РА ИИМК РАН, ф. 21, д. 62). Один из этих документов (л. 4) является повесткой данного совещания, с автографом секретаря Л. М. Рейснер. Второй документ (л. 1–3 с. об.) содержит конспективное изложение хода указанного совещания, состоявшегося 30 января 1918 г. Протокольная точность сочетается здесь с непосредственностью изложения, вовсе не характерной для официальных отчетов. В совокупности эти документы являются источником, позволяющим хотя бы отчасти воссоздать историко-культурный контекст, в котором действовали русские ученые-гуманитарии в первые послереволюционные месяцы.

1. Текст и именной указатель

Оба документа приводятся ниже в хронологической последовательности, без купюр (нумерация документов моя. — Н. П.). В написании имен собственных сохранена орфография подлинника.

№ 1.

Отпечатано на машинке. В правом верхнем углу штамп: 27 января 1918 г.

[Л. 4] Уважаемые граждане.

На Комиссариат по просвещению падает огромной важности и, при нынешних условиях, огромной трудности задача по охране музеев и дворцов, памятников старины и художественных ценностей, как в Петрограде и его окрестностях, так и по всей России.

Механическая охрана всего этого несметного достояния вообще невозможна, и надежду на сохранение полностью доставшихся народу сокровищ можно питать только в том случае, если нам удастся превратить их в подлинное народное достояние, сделав их широко доступными и в то же время подготовив народные массы — по крайней мере, передние ряды их, к правильной оценке великого наследия.

Видя перед собою столь трудную задачу, Комиссариат по Просвещению счел необходимым создать особый Государственный Совет по охране дворцов и музеев Республики, в основу которого положено приблизительно равное количество представителей компетентных кругов профессиональных художников и ученых, с одной стороны, и представителей организованной демократии — с другой.

Совет этот будет утвержден на днях как орган государственной власти Советом Народных Комиссаров.

Но хотя устав его был строго продуман и в свое время прошел критику весьма компетентных представителей соответствующих кругов, все же Комиссариат считает необходимым до утверждения Устава созвать в порядке частного совещания приблизительный состав Совета для предварительного обмена мнений.

Ввиду вышеизложенного Комиссариат покорнейше просит Вас пожаловать на это собрание в воскресенье в Зимний дворец с Детского подъезда в 8 ч. вечера.

Народный комиссар
Секретарь

(автограф отсутствует)
Л. Рейснер

№ 2.

Рукопись П. П. Покрышкина с авторской правкой.

[Л. 1] Совещание по вопросу о создании «Государственного Художественно-го совета по охранению памятников старины и искусства в России»

Заседание 30 января 1918 года. Председательствовал г. Луначарский. Присутствовали: А. Н. Бенуа, Ф. Г. Бернштамм, П. П. Вейнер, [В. А.] Верещагин,

гр[аф] В. П. Зубов, Г. К. Лукомский, Н. Е. Макаренко, А. А. Миллер, П. И. Нерадовский, П. П. Покрышкин, А. А. Половцев, [Н. Н.] Пунин, гр[аф] Д. И. Толстой, С. Н. Троицкий, гр[аф] П. С. Шереметев, и многие другие интеллигентные лица, мне незнакомые; присутствовали также несколько лиц (5–7), с виду, рабочих.

Луначарский произнес большую речь, следующего, приблизительно, содержания. Вступление к ней было развитием изложенного на повестке, полученной Комиссией 27 января 1918 г. Было подчеркнuto, что 1) создается Совет, который бы заведывал охраной не только дворцов и музеев республики, но и всех вообще памятников старины и искусства в России, 2) призвать в него «лучшие элементы в стране»: с одной стороны, экспертов, «представителей компетенции знания», а с другой — представителей демократии, «компетенции доверия». Прошло уже много времени с тех пор, как «Совет по делам искусства» прекратил свою работу; за это время Ведомство имуществ Республики (б. Министерство Двора) пользовалось компетентным сотрудничеством известных всем художественных сил; не по вине Ведомства настоящее совещание собирается так поздно. Положение памятников старины и искусства в стране ужасно. Революция, казавшаяся сперва бескровною, на деле произвела грандиозные разрушения. Народу нет и не должно быть препон ни полицейских, ни воинских, а между тем глубинные массы — это настоящие дикари, среди них много преступных элементов. С преступным хулиганским элементом, искажающим лицо революции, происходит беспощадная борьба, здесь мы не останавливаемся ни перед какими решительными мерами, созда-

[Л. 1об.] ется республиканская армия, взамен прежней, распускаемой. Но в основу мероприятий, которые предстоят Художественному Совету, должно прежде всего быть положено искреннее стремление воспитать народ культурно. Музеи и дворцы Республики, напр[имер], должны из недоступных для народа и непонятных ему охраняемых скоплений превратиться в реальные, живые эстетические и научные органы культурной жизни страны, чтобы посредством их народу было путем широчайшей пропаганды объяснено и привито сознание, что в культурном подъеме для него будет громадная польза и прежде всего благодаря радостям жизни, ожидающим его. Наисовершеннейшею охраною художественного и исторического наследия будет сознание народное. Должно позвать народ, связать со школою, идти в народ, совершать экскурсии. Если сейчас всеми нами переживается ужасное время ломки государства, наблюдается понижение культуры, то все это ничтожно, по сравнению с тем расцветом, в который мы глубоко верим и который превзойдет все созданное доселе, как этически неприемлемую игрушку. Главнейшие, большие опасности наблюдаются от стремительной демократизации, от демобилизации, от ликвидации помещичьего и церковного хозяйства и от голодных бунтов. Если с широкой народной массой пока нельзя войти в общение, то с передовыми рядами демократии можно найти точки соприкосновения, и здесь-то я, благодаря своей популярности и знаниям, сослужу незаменимую службу, как посредник между Вами и народом. Верю в народ, потому что испытал уже много раз его отзывчивость и внимание во время моих выступлений, например, в цирке «Модерн». Верю, что мы можем работать совместно, невзирая на то, что среди вас есть много людей иных, чем я, политических взглядов. Возьмемся дружно за

спасение художественного достояния дорогой всем нам родины, невзирая на то, оптимисты мы или пессимисты, аристократы или демократы. При общности задачи найдутся общие линии. Я не закрываю глаза на трудности намеченного пути,

[Л. 2] между прочим финансовые. Что вы найдете нужным для спасения памятников старины и искусства, то сделаем, во что бы это ни обошлось.

Примером того, как жизнью ставятся задачи сохранения г. Луначарский привел готовящийся захват Строгоновского дворца, что на углу р. Мойки и Невского, «Центробалтом», переселяющимся из Гельсингфорса в Петроград. Предполагается устроить там культурно-просветительный клуб матросов, народный университет. Художники энергично протестуют, опасаясь за дворец, как за в высшей степени художественный, ценный, но вместе с тем, и хрупкий предмет. Я пытался говорить с матросами, они возражают, что другого помещения в Петрограде нет, что они берутся охранять дворец и дают честное слово, выставляя между прочим, доводы, что, по водворении «Центробалта» во дворец, он будет застрахован от хулиганских налетов, что в Кронштадте они действительно все сохранили, что художественная обстановка как нельзя лучше будет способствовать облагораживанию матросских масс, к повышению их культурного уровня (при этом, улыбнувшись, г. Луначарский заметил, что нельзя не признать художественного чутья в матросах, раз их выбор остановился на таком дворце). Кое-что предлагают эвакуировать, кое-что сделать недоступным для себя. Нельзя скрыть того важного обстоятельства, что «наиболее пламенные революционеры» из флота ушли на борьбу с контрреволюцией, во флоте усилилось влияние темных сил. Создалось впечатление, что отказа быть не может, ибо он вызовет взрыв негодования и все равно дворец будет занят. Возможна еще беседа с матросами в моем присутствии и совместный осмотр дворца (роль посланника от вас к матросам и от них к вам не могу взять на себя, считая ее бесплодной). Считаю необходимым уступить, хотя бы с ограничительными условиями.

Из выступивших затем ораторов ни один не высказался против создания Совета. А. А. Миллер поднял вопрос о необходимости объединения музейного дела в России. [Н.] Бухбиндер заявил об острой нужде охранять библиотеки и архивы упраздняемых учреждений, считая необходимым создать Государственную Комиссию по сохранению архивов и библиотек. [С. Н.] Тройницкий указал на то, что народ — большой художник, надо верить в его творческую силу, не только русские, но и иностранные музеи наполнены произведениями русского подлинного народного творчества, а Россия — постройками, достойными самого бережного к себе отношения.

По поводу захвата Строгоновского дворца [В. А.] Верещагин напоминает г. Луначарскому, что «охранные листы», даваемые «народными» комиссарами, недействительны. [Н. Н.] Пунин (секретарь худож[ественного] отдела музея Императора Александра III) по этому поводу выступил с весьма страстным заявлением, что

[Л. 2 об.] исторические и древние памятники устарели, потеряли свой смысл, их неважно сохранять, гораздо важнее новое творчество, а потому «творящему» народу должен быть предоставлен свободный выбор что сохранять, а что уничтожать. В ответ на это раздались возгласы негодования, напр[имер],

А. Н. Бенуа выкрикнул: «по крайней мере это демагогия». Г. Луначарский выступил с возражениями, что он с «товарищем Пуниным» не согласен в корне, ибо искусство может развиваться только на основании созданий прошлого. [С. Н.] Троицкий заметил, что председатель нам объявил, что мы должны быть аполитичны, а речь Пунина ярко партийна. Наша задача не уничтожить, а собирать жатву. Кто будет сеять дальше — нам неизвестно. Гр[аф] Зубов поддерживал заявление [В. А.] Верещагина, указывая на то, что в деле охранения дворцов, напр[имер], Гатчинского дворца, комиссаром которого граф состоит, существенной помехой служат крайне противоречивые распоряжения центральных и подчиненных правительственных учреждений. Г. Луначарский объяснял, что недостатки аппарата несомненны, но в деле угрожаемого захвата Строгоновского дома виновны те, кто на вопрос Луначарского, занесен ли дом в список домов, на которые выданы охранные грамоты, ответил отрицательно. Удалось отстоять Шереметевский дом, захватчики согласились перейти в кадетский корпус; дом Шереметевых на Шпалерной передан в пользование народа с разрешения компетентных лиц, которые, впрочем, потом переменили свое мнение. Дело реквизиции теперь упорядочивается, самовольные реквизиции прекращаются. Г. К. Лукомский высказал изумление, что у «народа» нет творческого размаха. Для «народного университета» избирается изящный уютный дворец, который никак не приспособлен для университета с огромным числом слушателей. Понятнее было бы, если бы «народ» избрал для этой цели Исаакиевский собор, ибо здание должно быть грандиозно. Но если народ действительно творец, так для архитектора несомненно, что он должен объявить конкурс для составления проекта соответственных зданий, которые уже по одному тому, что задачи новые громадны, действительно могли бы затмить все, доселе созданное в русской, да, пожалуй, и всемирной архитектуре. Луначарский возразил, что новые здания строить

[Л. З] теперь немислимо по причине сказочной дороговизны рабочих рук и материалов. Мысль, что дворец не приспособлен для университета, ему понравилась и напомнила, что в виду переезда «народных комиссаров» в Таврический дворец, «Центробалту» можно бы предложить занять Смольный институт; есть надежда, что самое имя Смольный, столь дорогое сердцу каждого матроса, сразу изменит мнение «Центробалта», в Смольном же и места больше, и охрана его налажена уже. А Строгоновский дом можно превратить в Народный музей. Гр[аф] П. С. Шереметев спросил, какие экстренные меры охранения памятников старины и искусства намечаются теперь же, до утверждения Совета; цель боевая. Секретарь Рейснер заявила, что по ее мнению необходима даже настоящая боевая единица, с воинской силой, непрерывное дежурство. Есть реальное предложение Виктора Шкловского, располагающего 25-ю преданных ему и абсолютно верных ему солдат; это молодой ученый, имеющий рекомендации [А. А.] Шахматова, [С. А.] Венгерова и друг[их]; предлагают свои услуги и члены Пушкинского кружка. Нужна просто грубая сила, хотя бы для внезапных обысков у антикваров и т.п., спешной грубой работы. Штейнберг (Д. П. Штеренберг. — Н. П.) нашел, что такая боевая единица слишком ничтожна для борьбы с погромами. Луначарский рекомендовал Шкловского, как имеющего боевые отличия, трижды смертельно раненного, как авторитетного ученого и превосходного агитатора, указывал на Латышский полк, как

заслуживающий безусловного доверия. П. П. Вейнер сообщил, что с согласия Луначарского группой художников составлен проект организации временной исполнительной комиссии в составе десяти членов и десяти сотрудников для разъездов по России. [Г. К.] Лукомский задал вопрос о том, будет ли обсуждаться проект учреждения Совета. Луначарский ответил, что он разделяет Совет и Исполнительный Комитет, что проект Совета приведется рассмотреть без него, так как ему пора ехать для беседы с «дорогими его сердцу, любимыми и милыми» матросами, и предложил избрать трех лиц в помощь ему, а также избрать комиссию для выработки декрета об учреждении Государственного Художественного Совета, о необходимости соглашений с приходами относительно условий пользования художественными храмами, о превращении дворцов в народные музеи, как, напр[имер], сделано вполне успешно с целым рядом дворцов: Царскосельским,

[Л. З об.] Гатчинским... Гр[аф] В. П. Зубов перебил Луначарского, что Гатчинский дворец «уложен» до лучших времен. [В. А.] Верещагин спросил, кто изберет десять членов временной Комиссии и сотрудников? Намечено пока всего три. Луначарский заявил, что обязательно одно правительственное лицо, и тотчас назначил Штейнберга (Д. П. Штеренберга. — *Н. П.*); члены должны быть компетентные и энергичные. [А. А.] Миллер напомнил о своем предложении; Луначарский заметил, что сегодня не должно бы поднимать конкретных вопросов, кроме им намеченных. При обсуждении проекта Совета иметь в виду, что он будет утвержден в кратчайший, трехдневный срок. На декреты народных комиссаров не нужно смотреть, как на что-то абсолютное, непреложное и бесспорное: это лишь пробы: «мы их бросаем в народ и наблюдаем производимое впечатление и тотчас их меняем, когда оказываются неприемлемыми». С Луначарским уехали в Строгоновский дворец А. Н. Бенуа, Г. К. Лукомский, [В. Я.] Курбатов. После их отъезда заседание не продолжалось. Секретарь [Л. М.] Рейснер обещалась разослать всем присутствовавшим копии проекта учреждения Госуд[арственного] Худож[ественного] Совета. Следующее заседание назначено в понедельник, 2 ч[аса] дня.

Изложил П. П. Покрышкин.

Именной указатель участников заседания

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) — художник, историк и теоретик искусства, один из идеологов художественного объединения «Мир искусства», основатель одноименного журнала. Крупный музейный и общественный деятель. Член Совета Русского музея, возглавлял Картинную галерею Эрмитажа (1918), издал ее новый каталог. Эмигрировал (1926).

Бернштам (Berenstamm) Федор Густавович (Теодор Александр) (1862–1937) — художник-архитектор, искусствовед, музейный и общественный деятель. Действительный член и директор библиотеки Императорской Академии художеств, действительный статский советник. Один из лучших художников-рисовальщиков древних орнаментов и старинной архитектуры, неоднократно участвовал в археологических экспедициях. Председатель Петергофской ХИК (1917–1918), затем до 1924 — хранитель дворцов-музеев в Петергофе. Сумел сохранить дворцы и павильоны; восстановить и пустить

в ход фонтаны; зарегистрировать и описать редкие рукописи из собрания Марии Медичи. В 1924–1930 гг. — научный сотрудник Отделения искусств и технологии Российской Публичной библиотеки. С 1930 — на академической пенсии.

Бухбиндер Нахум (1895 — после 1940) — журналист, историк еврейского революционного движения. В 1916 г. слушатель Высших курсов востоковедения барона Д. Гинцбурга — первого в России еврейского светского учебного заведения. С 1918 г. служил в комиссариате по еврейским делам, был редактором коммунистических газет и изданий на языке идиш в Петрограде, Москве и Минске.

Вейнер Петр Петрович (1879–1931) — искусствовед, музейный работник, редактор-издатель журнала «Старые годы». Один из создателей и директор общественного музея «Старый Петербург» (коллекции легли в основу современного Музея истории Петербурга). В 1917–1918 гг. — член Гатчинской ХИК. Работал в Эрмитаже и РИИИ. Неоднократно подвергался репрессиям. Расстрелян.

Верещагин Василий Андреевич (1859–1931) — библиофил, библиограф, историк искусства. Действительный статский советник и камергер Двора Его Императорского Величества, гофмаршал, помощник статс-секретаря Государственного Совета (1900). Член Совета Академии художеств. Основатель и редактор журналов «Старые Годы» и «Русский Библиофил». Автор классических библиографических и искусствоведческих работ. В 1917–1918 гг., был председателем Петроградской ХИК. После Октябрьского переворота, при содействии Петроградского Военно-Революционного комитета и ВЧК, сумел прекратить расхищение ценностей городских дворцов и организовать розыск значительной части похищенного. Эмигрировал (1921).

Зубов Валентин Платонович, граф (1884–1969) — искусствовед, музейный и общественный деятель. Праправнук А. В. Суворова. Основатель РИИИ (1912), его ректор (1912–1921), затем председатель президиума института (1921–1925). Доктор искусствоведения (1913), профессор. Председатель Гатчинской ХИК, первый директор Гатчинского дворца-музея (1917–1918). Сумел наладить охрану дворца в дни после Октябрьского переворота, успешно проводил работу по сверке старых описей и каталогизации коллекций. Неоднократно подвергался репрессиям. Эмигрировал (1925).

Курбатов Владимир Яковлевич (1878–1957) — химик, технолог, историк искусства, близкий круг «Мира искусства». Ученик Д. И. Менделеева. Преподаватель Санкт-Петербургского технологического института (1907), с 1922 — профессор, зав. кафедрой физической химии. Член комиссии по описанию и сохранению старого Петербурга при Обществе архитекторов-художников (1907). Один из основателей и член дирекции Музея «Старый Петербург». Сотрудник РИИИ (1920–1930). Возглавлял управление дворцами-музеями и парками Петрограда (1918–1923). Автор трудов по архитектуре Петербурга, Павловска, садов и парков.

Лукомский Георгий Крескентьевич (1884–1952) — историк, искусствовед, художник-архитектор. Член Совета ПАИ. Сотрудник Музея «Старый Петербург». Автор многочисленных трудов по истории архитектуры и прикладного искусства России и Западной Европы, создатель субдисциплины

«мебелеведение». Председатель Царскосельской ХИК (1917–1918). В сложных условиях провел огромную работу по описанию имущества дворцов и павильонов, организации их охраны, реставрации интерьеров и музейных экспонатов. В конце 1918 уехал в Киев, был главным хранителем Музея западного и восточного искусства (Ханенко). Эмигрировал (1920).

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — профессиональный революционер, член РСДРП с 1895 г. Большевик с 1917. Советский государственный деятель, публицист, критик. В 1917–1929 — нарком просвещения. Академик АН СССР с 1930 г.

Макаренко Николай Емельянович (1877–1938) — археолог, музейный деятель, реставратор, историк искусства. Сотрудник Эрмитажа, хранитель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения (1917–1918). В 1919 г. переехал в Киев. Директор Музея западного и восточного искусства (1920–1924). Доцент, затем профессор кафедры истории материальной культуры Киевского университета. Зав. сектором ИИМК АН УССР. Арестован, сослан в Казань (1934), там повторно арестован (1936). Расстрелян.

Миллер Александр Александрович (1875–1935) — археолог, этнограф, музейный деятель, художник. Хранитель Этнографического отдела Русского музея, (1907), позднее зав. отделом, директор (1918–1921). Член РАИМК/ГАИМК, зав. Этнологическим отделением (1919–1929). Арестован (1933). Умер в лагере.

Нерадовский Петр Иванович (1875–1962) — художник-график, историк искусства, музейный деятель. Хранитель художественного отдела Русского музея (1909), зав. отделом (1912–1929), член совета музея (1929–1932). Сотрудник Эрмитажа и РАИМК/ГАИМК. Дважды был репрессирован. Находился в заключении в 1932–1935 и 1938–1943 гг. Позднее работал в Загорском музее-заповеднике.

Покрышкин Петр Петрович (1870–1922) — художник-архитектор, реставратор, историк искусства. Штатный член ИАК/РГАК (1902–1919), академик архитектуры (1909), член РАИМК (1919–1920). Крупнейший специалист и автор классических трудов по истории архитектуры России, Средней Азии, славянских стран, истории древнерусской живописи. Разработал метод определения первоначального положения декоративных элементов здания на рухнувшей стене. Положил начало комплексным архитектурно-археологическим исследованиям памятников, вошедшим в широкую практику не ранее 1960-х. В 1918–1919 гг. активно сотрудничал с Наркомпросом в деле охраны и реставрации памятников, преобразования РГАК в РАИМК. Не встретив поддержки своим начинаниям ни в Главмузее, ни в РАИМК, в 1920 г. отказался от звания ее члена. Отошел от научной деятельности, принял сан священника, служил в г. Лукоянове Нижегородской губ. Свой огромный архив передал в РАИМК. Скончался, заразившись сыпным тифом в больничных бараках.

Половцов Александр Александрович (младший) (1867–1944) — дипломат, разведчик, ориенталист, музейный деятель, меценат. Побочный внук вел. кн. Михаила Павловича. Генеральный консул в Бомбее (1906–1907). Товарищ министра иностранных дел (1916–1917). Директор и член Совета Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штиглица и основанного

при нем музея (1917). Передал в музей значительную часть собственных коллекций. Член Гатчинской ХИК (1917), первый директор («комиссар») Павловского дворца-музея (1917–1918). После обыска и угрозы ареста пешком перешел финскую границу (1918). Умер в эмиграции.

Пунин Николай Николаевич (1888–1953) — искусствовед, музейный деятель. В 1910-х гг. — авангардист, сторонник пересмотра классических ценностей. В 1918–1921 гг. возглавлял Петроградский отдел изобразительных искусств Наркомпроса. Комиссар Русского музея и Эрмитажа. В дальнейшем — один из организаторов системы художественного образования и музейного дела в СССР, профессор, инициатор создания искусствоведческого факультета в Академии художеств. Репрессирован трижды, умер в лагере.

Рейснер Лариса Михайловна (1895–1925) — писательница, советский общественный деятель. На рубеже 1917–1918 гг. работала в Наркомпросе «по ведомству дворцов и музеев». Член РСДРПб (1918). В годы Гражданской войны была политработником Красной Армии, комиссаром Морского Генерального штаба.

Тройницкий Сергей Николаевич (1882–1946) — искусствовед, историк, музейный деятель. Крупный специалист в области геральдики и прикладного искусства. Сотрудник Эрмитажа с 1908 г., директор (1918–1927). Уволен в ходе «чистки» (1931), восстановлен на работе (1932). Эксперт Всесоюзного объединения по экспорту «Антиквариат» (1931–1935). В 1935 г. выслан в Уфу на 3 года как социально опасный элемент (потомственный дворянин, сын помещика). После ссылки работал научным сотрудником Музея фарфора и фаянса в Кусково. Скончался в Москве.

Толстой Дмитрий Иванович, граф (1860–1941) — искусствовед, музейный деятель. Действительный статский советник, церемониймейстер. Директор Эрмитажа (1909–1918). Летом 1918 г. уехал в Киев, затем в эмиграцию.

Шереметев Павел Сергеевич, граф (1871–1943) — художник, историк искусства, общественный и музейный деятель. Член Государственного совета от дворянских обществ (1916). Автор книг и статей о старых дворянских усадьбах. При содействии Наркомпроса и Соединенной ХИК в январе-феврале 1918 г. осуществил добровольную «передачу народу» шереметевских исторических зданий (1918), в том числе «Фонтанного дома». Заведовал Музеем-усадьбой Остафьево, работал над описанием и систематизацией шереметевских коллекций живописи, скульптуры, оружия, гемм и т. д. После ликвидации музейного статуса Остафьева (1929) жил с семьей в Напрудной башне Новодевичьего монастыря, писал статьи, оставшиеся в рукописях.

Штеренберг Давид Петрович (1881–1948) — живописец и график, представитель русского постфутуристического искусства. Революционер, активный член Бунда. В 1906 г. эмигрировал, жил в Париже. По возвращении в Россию работал в Наркомпросе — зав. отделом изобразительного искусства (1917), председатель Коллегии по делам изобразительных искусств (1917–1921). Преподаватель Вхутемаса — Вхутеина (1920–1930). Один из создателей и председатель Общества художников-станковистов (1925–1930).

2. Исторический контекст события

Судя по штемпелю в правом углу, повестка заседания (документ № 1) была получена Археологической комиссией по почте 27 января 1918 г. Копии этого приглашения рассылались и другим участникам, в другие учреждения. Одна из них, хранящаяся в архиве Эрмитажа, неоднократно цитировалась ранее самыми разными авторами, как свидетельство «понимания» советской властью проблемы охраны культурных ценностей (Варшавский, Рест 1939: 204–205; Качалова 2000: 214).

Г. Пржиборовская, автор биографии Ларисы Рейснер в серии ЖЗЛ (2008), интерпретировала документ № 1 как обращение А. В. Луначарского к музейным работникам, «объявившим саботаж». Поместив в жизнеописание своей героини цитату из этого письма, она сопроводила ее комментарием: «...В это же время бастовали чиновники, актеры императорских театров, преподаватели привилегированных гимназий и училищ. Очередное письмо из Наркомпроса от 27 января 1918 года, подписанное наркомом А. Луначарским и секретарем... Л. Рейснер, в Эрмитаже вносят в журнал входящих бумаг и, “оставив без действия”, сдают в архив...» (Там же).

Действительно, в первые дни после Октябрьского переворота в Эрмитаже прошло собрание, на котором «захватчикам власти» был объявлен бойкот (Архив ГЭ, ф. I, оп. V, часть II, д. 3). Однако распространенное мнение, что этот бойкот продолжался долго, чуть ли не до середины 1918 г., когда граф Д. И. Толстой был смещен с поста директора Эрмитажа, легко опровергается источниками. Из документа № 2 явствует, что повестка, разосланная 27 января, отнюдь не «осталась без действия». Совещание никто не бойкотировал: оно состоялось 30 января и прошло достаточно бурно. Вечером того же дня один из его инициаторов — А. Н. Бенуа — записал в дневнике: «...главное сделано: “саботажники капитулировали” — и дальше уже потечет в этом ведомстве нормальная жизнь...» (Бенуа 2010).

Изложение хода совещания, сделанное П. П. Покрышкиным по горячим следам, было адресовано узкому кругу лиц, которых Петр Петрович считал единомышленниками. Там без обиняков сообщается, что именно говорил на встрече А. В. Луначарский. Речь последнего предстает живой, местами совершенно «неполиткорректной», обнажающей многочисленные проблемы, с которыми столкнулась новая власть и он лично. Однако длинные рассуждения наркома о вере его в народ и тут же — почти без перехода — о дикости этого народа — невольно наталкивают на мысль: не было ли все это лишь преамбулой к обсуждению настоящей проблемы, из-за которой, собственно, и разгорелся сыр-бор?

Истинная причина созыва совещания, действительно, выплывает на свет, едва А. В. Луначарский переходит к описанию самовольных реквизиций и захватов исторических зданий — в первую очередь, Строгановского дворца на углу Мойки и Невского проспекта. По его словам, Наркомпросу «...удалось отстоять Шереметевский дом, захватчики согласились перейти в кадетский корпус». Однако перед Центробалтом, который пожелал забрать себе дворец Строгановых под матросский клуб, А. В. Луначарский спасовал: «Считаю нужным уступить...». Подоплеку событий раскрывает нам дневник А. Н. Бенуа. 27 января 1918 г. в нем появляется такая запись:

«Сегодня я уже был на краю — подать в «отставку» Луначарскому. Выяснилось, что этот неумный человек уже уснул, в отмену данного им же Строгановскому дворцу Охранного листа, самоличное согласие и рекомендации мадам Лилиной¹ предоставить этот дворец матросскому клубу... и уже матросы заходят все чаще и чаще, и они уже распределяют залы под театр, читальни. Воронихинскую галерею они нашли вполне пригодной для кинематографа. Однако до ультиматума, к которому были готовы присоединиться все члены комиссии, не дошло... Луначарский понял, что на сей раз дело обстоит серьезным образом и что надо спасать дворец. Тут же при Щербатовой с милой откровенностью (цинизм!) признался в своей непоследовательности, заявил, что он сделает это своим делом, что сам пойдет убеждать товарищей матросов. Тут же он сочинил текст проекта декрета о превращении дворца в музей...» (Бенуа 2010).

Два дня спустя ситуация обострилась еще более: 29 января «...матросы уже опечатали галерею Строгановых...» и, по словам А. Н. Бенуа, слышать не хотели о том, чтобы отдать дворец (Там же). Можно представить себе, в каком взвинченном состоянии Александр Николаевич прибыл 30 января в Зимний. Не случайно в дневнике он описывает весь ход совещания в очень раздраженных тонах:

«...Лариса (Рейснер. — Н. П.) без всякого толка наприглашала кучу совершенно лишнего народа: весь Эрмитаж, весь Музей Александра III... музейных людей, Академии, все дворцовые комиссии, Курбатова, Шереметева, субалтерных представителей Общины, каких-то пролетариев... Луначарский, окруженный своим штабом, произнес часовую речь в “обычных тонах”... Зато дельно перевел на принципиальную почву обсуждение вопроса о Строгановском дворце Георгий Лукомский (в сущности, ему и принадлежит сейчас главная заслуга в спасении этой драгоценности)...

Оттуда поехали “небольшой комиссией” в Строгановский дворец. И сразу обнаружилась та польза, которую может приносить в наши дни “коллектив компетентных лиц”. Несмотря на возмутительное подлаживание Луначарского к товарищам матросам... несмотря на... агрессивную роль... матроса, закончившего свои тирады прежними угрозами: “Нами занят Строгановский дворец, все этажи, и вам придется считаться не только с нами”... — тем не менее, нам удалось заставить этих диких людей прийти к решению обождать... Их мы убедили, что для их пролетарской культуры просветителей (ох, как легко писать программы!) им нужны другие, более просторные помещения, назвали при этом солдатские дома Полякова, дворец Сергея Александровича, Синод, Смольный... тогда, как Строгановский дворец они возьмут как один цельный музей под свою властную руку и превратят в “музей своего имени”... Тут же нас попросили в этом помочь, и мы согласились, — главным образом, из чувства долга перед ценностью дворца...

...Луначарскому я отдаю должное — он умный и ловкий человек, к тому же благожелательный, он прекрасно сегодня лавировал и изворачивался, он как никто умеет льстить и обманывать, но то, для чего это делается, разумеется,

¹ Лилина Злата Ионовна (1882–1929), деятель народного образования. Жена председателя Петросвета Г. Е. Зиновьева.

хуже всякого монархического режима и капиталистического строя. Делается это во имя торжества пошлости, стадности, диких инстинктов, принимаемых априори за подлинную стихию воли народной...» (Там же).

Как видим, описания, сделанные П. П. Покрышкиным и А. Н. Бенуа, хорошо дополняют друг друга. Вместе они позволяют зримо представить себе не «официальное», а истинное положение с охраной культурного наследия в России в начальный период правления большевиков. Ситуация, сложившаяся вокруг Строгановского дворца, не только показывает слабость правительства, не имевшего ни средств, ни крепкой организации, чтобы противостоять анархическому разгулу. Если взглянуть на события в более широком историческом контексте, вся «непоследовательность» А. В. Луначарского в данном вопросе становится вполне понятной и объяснимой.

Петроград в тот момент, действительно, оказался буквально наводнен матросами-балтийцами, присланными Центробалтом в помощь большевикам. Это были не только экипажи «Авроры» и других кораблей, базировавшихся в Кронштадте. 25 октября, по условной телеграмме «Центробалт высылай устав» в столицу был направлен еще целый эшелон матросов и отряд военных кораблей. Затем дополнительные силы оказались присланы для борьбы с мятежом генералов Корнилова и Краснова (Измайлов, Пухов 1967). В результате матросы, конечно, почувствовали себя полными хозяевами в столице. При этом и формально, и фактически они подчинялись только Центробалту. Управление армией было уже полностью развалено, должность командующего флотом упразднена. Само правительство ничего не могло приказать морякам, могло лишь подогревать их революционный пыл на митингах. Конечно, оно старалось психологически воздействовать на матросскую массу — активно формируя в ее сознании тот собирательный образ «врага-буржуя», на который следовало списать все беды.

Между тем, помощь «братишек» вот-вот должна была понадобиться опять. Именно 27 января 1918 г. Германия подписала выгодный для себя сепаратный мир с Центральной Радой Украины — в обмен на военную помощь против Советской России. Л. Д. Троцкий 28 января покинул Брест-Литовск, не подписав мирного договора и выдвинув свой знаменитый лозунг «Ни мира, ни войны...». При этом германский фронт был развален уже безнадежно. В таком контексте поведение А. В. Луначарского, сначала давшего Строгановскому дворцу Охранный лист, а потом, под давлением матросов, отозвавшего его, совершенно не кажется удивительным. Удивляет, скорее, его умение и решимость, в конечном счете, поправить положение.

Вопрос о формировании Государственного Художественного Совета в данном случае стал удобным предлогом для того, чтобы обратиться к «представителям компетенции знания» за помощью в почти безвыходной ситуации. И такая помощь, действительно, была оказана: тут каждая сторона сделала свое дело. Что касается самого «Совета», то в нем можно видеть прообраз (так сказать, «рабочий вариант») будущей Всероссийской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины (позднее — Главмузея). В речи А. В. Луначарского 30 января это название еще не прозвучало ни разу. Архивные данные свидетельствуют: Коллегия, в состав которой на первых порах вошли все те же П. П. Покрышкин, А. Н. Бенуа, С. Н. Троицкий и др., «приступила к своей

деятельности 21 марта 1918 года» (ЦГАРФ. Ф. 2306. Оп. 28. Д. 154. Л. 4, цит. по: Качалова 2000: 219).² «Положение о Коллегии...» было разработано только полгода спустя, к октябрю.

Следует особо остановиться на особенностях состава участников совещания 30 января. В ходе работы удалось идентифицировать каждого из них (см. выше). Неповторимость момента отчетливо проявилась в том, что в число «лучших элементов в стране», людей «компетенции знания», к которым обратился тогда А. В. Луначарский, попали не просто крупнейшие специалисты — архитекторы и искусствоведы, но целый ряд представителей высшей аристократии. При этом устами самого наркома было заявлено: различие политических взглядов вовсе не является препятствием для совместной работы: «Возьмемся дружно за спасение художественного достояния дорогой всем нам родины, невзирая на то, оптимисты мы или пессимисты, аристократы или демократы. При общности задачи найдутся общие линии...». Уже полгода спустя подобное заявление станет невозможным. Однако в первые дни и месяцы советской власти «общие линии» находились. «Искусствоведы-аристократы» внесли весьма ощутимый вклад в дело сохранения культурных ценностей России.

На заседании 30 января присутствовали три титулованные особы (граф Д. И. Толстой, граф В. П. Зубов, граф П. С. Шереметев), один камергер Двора и гофмаршал (В. А. Верещагин) и даже один побочный родственник царской фамилии (А. А. Половцов-младший). И если Д. И. Толстой был приглашен исключительно «по должности», как действующий директор Эрмитажа, то все остальные перечисленные лица являлись на рубеже 1917–1918 гг., действительно, активнейшими бойцами «культурного фронта». Ни один из них изначально не был «саботажником». Их совокупную позицию по отношению к новой власти прекрасно выразил граф В. П. Зубов в своих позднейших воспоминаниях. Октябрьский переворот застал его на посту директора Гатчинского дворца-музея. Собственные действия в эти дни граф описал так:

«...Среди ночи... я услышал шаги большого числа людей по плитам коридора. Это шла “красная гвардия”... ведомая местными коммунистами, занимать помещения. По существу это было логично: Керенский не постеснялся превратить дворец в казарму, почему большевикам было не сделать того же!.. Я был должностным лицом низложенного правительства, без полномочий от нового... Тем не менее, я вошел в сношения с теми, кого в эту минуту можно было рассматривать как исполнительную власть. Я обратил их внимание на то, что следовало охранить имущество, отнятое у “деспотов” и принадлежащее отныне народу. Таким рассуждением я добился, что только служебные помещения... будут заняты, в то время, как на двери, ведущие в исторические комнаты, были наложены печати.

Зато в пожертвованной части здания все было предано разгрому. Там был ад... Они сновали по коридорам, по комнатам, лежали по паркетам, кроватям,

² В этой связи отмечу: во многих публикациях и основанных на них справочных интернет-изданиях создание «Коллегии по делам музеев...», ключевого для 1920-х гг. органа охраны памятников РСФСР, относится к ноябрю 1917 г. (Смирнов 1960: 325, 333; Лапшин 1983: 223; Медникова 1995: 307; Разгон А. М. Музеи. <http://slovari.yandex.ru/> и др.). Это неверно.

диванам, сдвинутым вместе креслам и стульям. Везде были видны тела, только тела, в большинстве пьяные, и над всем этим мелкой дробью сыпалось великое, могучее, правдивое, свободное русское ругательство...

...Я составил рапорт народному комиссару просвещения Анатолию Васильевичу Луначарскому, предполагая, что мой музей должен относиться к его ведомству. Я ставил себя в распоряжение нового правительства и сообщал о принятых мною для безопасности дворца мерах...

...“Победителей не судят”, пусть так, но все, что я могу спасти из наследия прошлого, я спасу, буду бороться за последнюю люстру, за малейший пустяк. Я прикинусь чем угодно, приму любую политическую окраску, чтобы охранить духовные ценности, которые возместить труднее, чем людей. В течение следующих восьми лет, проведенных мною еще после того в России, я оставался верен этому решению...

...Мои коллеги из других музеев радостно поздравляли меня со спасением Гатчины. Большинство... стояло на той точке зрения, что, хотя они политически и не согласны с происшедшим, они все же обязаны оставаться в распоряжении новой власти ради спасения ценностей высшего порядка. Я лично считал, что, раз я работал с Временным правительством, ничего не мешает мне работать с большевиками. С точки зрения легитимистской, крамольниками были и те, и другие...» (Зубов 2004).

По характеру выступлений на совещании 30 января можно выделить группу участников, которые неизменно направляли обсуждение в практическое русло, избегая отвлеченных рассуждений о народе, его будущем, его творческих возможностях и т. п. Таков был, в первую очередь, Г. К. Лукомский, чье выступление, собственно, и переломило ход обсуждения, показав путь к спасению Строгановского дворца. К той же группе относятся граф В. П. Зубов, В. А. Верещагин, П. П. Вейнер. Это косвенно подтверждает, что ведущую роль в деле сохранения культурного наследия на рубеже 1917–1918 гг. сыграли так называемые Художественно-исторические комиссии (ХИК), работавшие в Зимнем дворце, Царском селе, Гатчине, Петергофе и др. под руководством именно В. А. Верещагина, Г. К. Лукомского, графа В. П. Зубова, Ф. Г. Бернштама. Штатными членами ХИК были также П. П. Вейнер и А. А. Половцов-младший, экспертами — А. Н. Бенуа, С. Н. Троицкий, П. И. Нерадовский и др.

Эти Комиссии, сформированные еще Временным правительством в 1917 г., имели задачей учет и охрану ценностей, хранившихся во дворцах Петрограда и пригородов. После Октябрьского переворота они оказались единственной эффективной структурой, действительно озабоченной спасением памятников и сознательно поставившей себя — в лице своих руководителей — «вне политики». Именно на них опирался на первых порах А. В. Луначарский, не встретивший никакой поддержки своим действиям в «Союзе деятелей искусств» и других организациях, объединявших деятелей культуры.

Стоит отметить: все четыре ХИК еще 30 ноября 1917 г. неофициально приняли решение объединить усилия, организовав «Соединенную Художественно-историческую комиссию» под общим руководством В. А. Верещагина. Этот утонченный, элегантный, сдержанный европеец — статский генерал, камергер и библиофил — оказался прекрасным организатором. Он действовал вполне в духе своего коллеги графа В. П. Зубова, бестрепетно сотрудничая, когда

надо, и с Петроградским Военно-Революционным комитетом, и с ВЧК: «...Верещагин с помощью выделенных ПВРК специальных нарядов частей гарнизона проводил массовые обыски в антикварных магазинах, ломбардах, лавках старьевщиков, на рынках. Вскоре многое украденное из Зимнего удалось найти... Завершились розыски похищенного только в конце января 1918 года, после ликвидации силами уже ВЧК шайки самозванных “князя и княгини Эболи”, которые специализировались на кражах в Зимнем дворце...» (Жуков 2006).

В первые месяцы советской власти люди, подобные В. А. Верещагину, графу Зубову и др., оказались по-настоящему востребованы. Однако скоро они начали исчезать из советской музейной системы один за другим — она сама их выталакивала. Так, например, В. П. Зубов потерял свой пост «комиссара» Гатчинского дворца еще в марте 1918 г. В дальнейшем за 8 лет жизни в Советской России его арестовывали четырежды. Каким-то чудом ему удалось избежать расстрела и в 1925 г. выехать за границу. Что касается Г. К. Лукомского, В. А. Верещагина и А. А. Половцова-младшего, то они покинули Россию гораздо раньше.

Руководство государственными структурами охраны памятников в Петрограде в 1918 г. постепенно переходило к людям совершенно иного склада. Одним из них был *Григорий Степанович Ятманов (1878 — после 1934)*, тоже, скорее всего, присутствовавший на заседании 30 января, но молчавший в прениях и, видимо, зачисленный П. П. Покрышкиным в число «нескольких лиц (5–7), с виду рабочих». Этот человек уже имел тогда мандат «комиссара по защите музеев и художественных коллекций» и принадлежал, вместе с Ларисой Рейснер, к «штабу», окружавшему А. В. Луначарского. История его появления в Наркомпросе — ярчайший пример того, как в условиях государственных переворотов занимаются командные посты.

Эту историю сохранил для потомков все тот же А. Н. Бенуа: «Луначарский, ставший народным комиссаром по Просвещению, прислал ко мне (27 октября 1917 г. — *Н. П.*) двух молодых людей, которые принесли мне пропуск... Оба были мне совершенно незнакомы. Один из них, еврей Мандельбаум, сразу откомендовался в качестве усердного моего читателя. Не будучи каким-либо специалистом по истории искусства, он все же показался мне человеком с некоторой культурой... Напротив, у его товарища, Г. С. Ятманова, вид был самый простецкий, и он мог бы без грима играть в какой-либо исторической пьесе или фильме роль клеветы Пугачева, а то и самого Емельяна. Как мы узнали потом, он был художником-богоматом — помощником Ральяна³ при росписи церквей. Но этой своей профессией, для революционера крайне неподходящей, он отнюдь не гордился, а скорее даже скрывал ее. *Оба они по собственному почину явились накануне вечером... в Смольный, где теперь обосновалось только что возникшее новое правительство, и предложили новому правительству свои услуги. Луначарский их принял с радостью и сразу снабдил мандатами и полномочиями на предмет всяческого охранения государственного художественного имущества.* К счастью, оба оказались не авантюристами, людьми

³ Ральян (Райлян) Фома Родионович (1870–1930) — русский художник, иконописец, журналист.

честными... и первое время нашего знакомства мы с ними вполне ладили... (курсив мой. — Н. П.)» (Бенуа 2003).

В дальнейшем Г. С. Ятманову предстояло 10 лет руководить Петроградской Коллегией/Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Именно к нему вынуждены были обращаться (зачастую безуспешно) крупнейшие ученые, архитекторы и художники с просьбами помочь защитить культурные ценности от разорения и распродажи (Платонова, в печати). В 1931 г. П. П. Муратов напишет о нем: «В Петербурге... искусство оказалось в руках некоего Ятманова, человека совсем малограмотного и, кроме того, просто глупого. Тамошним художественным деятелям пришлось делать отчаянные усилия, чтобы не дать ему натворить каких-нибудь совершенных нелепостей. По счастью, Ятманова удерживала присущая ему от природы “административная трусость”, мешавшая ему слушать советы различных “юных энтузиастов”...» (цит. по: Качалова 2000: 220).

3. П. П. Покрышкин: последние годы жизни

Осталось сказать несколько слов о самом авторе документа № 2 — П. П. Покрышкине. Этого человека, без сомнения, следует считать основоположником принципов комплексного архитектурно-археологического исследования и научной реставрации памятников зодчества в России. Анализ его творческой биографии и огромного научного наследия в настоящее время продолжается (Медникова 1995; Медведева 2003; Дегтева 2004), но и сейчас он далек от завершения.

Тесное сотрудничество П. П. Покрышкина с Наркомпросом началось в первые месяцы 1918 г., когда его включили в состав формирующейся «Коллегии по делам музеев...». Тогда он фактически возглавил разработку предполагавшегося нового закона об охране памятников. Много сил положил на то, чтобы создать эффективную организацию, ведающую научной реставрацией архитектурных памятников и древнерусской живописи. Протоколы заседаний РГАК и РАИМК 1918 — начала 1919 г. указывают на него, как на одну из ключевых фигур преобразования РГАК в Академию (Платонова 1989). Подтверждается это и материалами его личного архива. В июле 1918 г. Петр Петрович пишет в Киев своему другу архитектору В. Г. Леонтовичу:

«...Я привлечен к большой организационной работе: реформы и объединение всех научных учреждений в Ком[иссариате] народного просвещения. Заседания ежедневно, весьма утомительные, для меня работа непривычная, я очень утомляюсь; приходится просиживать ночи напролет, потому что правительство насаждает с срочною выработкою реорганизаций. Очень досталась мне реорганизация Арх[еологической] Ком[иссии], теперь самое трудное и спешное выполнение. Работы я не чуждаюсь, но питание крайне плохое, уехать же нельзя: не на что существовать, да и надо дорожить возможностью сделать что-либо для дорогой моему сердцу Арх[еологической] Ком[иссии]...» (РА ИИМК РАН, ф. 21, д. 1611, л. 39).

В октябре 1918 г. П. П. Покрышкин, наконец, добился расширения «отдела монументального зодчества» РГАК до 9 человек (до того он всегда работал один!). Но успех на этом поприще оказался последним. Вскоре «...по сметным

соображениям и по предложению И. А. Орбели отдел монументального зодчества был упразднен...» (Медникова 1995: 305).

В 1919 г. уже ни одно из его предложений не встречало поддержки. Он ратовал за самые щадящие методы реставрации древнерусской живописи — а против этого восставали даже коллеги из «комиссии Грабаря», увлеченные перспективой как можно скорее, пусть без надлежащей фиксации, смыть с древних икон слои «позднейших записей» (Платонова, Мусин 2009). Он мечтал сформировать крупную, наделенную широкими правами государственную организацию, занятую охраной и научной реставрацией памятников — а наткнулся на противодействие в самой Академии, обеспокоенной ущемлением ее прав в этой области. В результате начавшихся административных дразг организованной им Археологический отдел Петроградской Коллегии по делам музеев, ставший в начале 1919 г. «Реставрационным», со штатом около 140 тщательно подобранных специалистов, оказался развален, сокращен до минимума и вообще выведен из состава Главмузея. Так была сведена на нет вся работа П. П. Покрышкина в Коллегии в 1918–1919 гг., все его начинания и надежды.

49-летний Петр Петрович разрубил этот узел по-своему. Летом 1920 г., получив отпуск, он уехал из Петрограда в Нижегородскую губернию, в Лукояновский Тихоновский женский монастырь, где уже подвизалась его сестра. 6 июля в Лукоянове произошло его рукоположение в сан иерея. Такое решение не означало разочарования в том, что еще недавно являлось делом всей его жизни. Просто в сложившейся обстановке он не видел лично для себя возможности продолжать работу. Религиозность Петра Петровича всегда была глубокой и целомудренной; знали о ней очень немногие. Впоследствии Н. П. Сычѳв вспоминал:

«...Речь его, не лишенная тонкого юмора, всегда была полна тончайших наблюдений и, можно сказать, не по книжному, а глубоко, просто и образно раскрывала мне глубочайшие процессы развития русской национальной культуры...

...Меня, не скрою, удивляло, как в П[етре] П[етровиче], наряду с религиозностью, жил неиссякаемый источник жизнерадостности и тонкого остроумия, временами направленного и в сторону лиц духовного звания...» (РА ИИМК РАН, ф. 21, д. 1615, л. 3 об., 5).

31 декабря 1920 г. на Совете III Отделения РАИМК было оглашено письмо:

«В разряд древнейшего русского искусства
Заведывающему, Николаю Петровичу Сычѳву

Прошу Вас доложить в Академии, что по крайне расстроенному здоровью я не могу в ней работать и прошу не считать меня ее членом. Научные материалы, собранные мною, желал бы передать в распоряжение разряда древнейшего русского искусства, доколе им заведуете Вы.⁴

Петр Покрышкин
2/15 декабря 1920 г.

⁴ Из этого письма явствует, что П. П. Покрышкин отказался от звания члена РАИМК, но не от звания академика архитектуры. Подобные утверждения, появившиеся в ряде публикаций (Медникова 1995: 310; Медведева 2003: 385), следует считать ошибочными.

Г. Лукоянов. Тихоновский монастырь» (РА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 3, д. 519, л. 1). В результате было принято постановление:

«1) Передать заявление П. П. Покрышкина в Совет Академии;

2) Выразить П. П. Покрышкину глубокую признательность за все понесенные им по Археологической Комиссии и Академии Истории Материальной Культуры труды и надежду на то, что П. П. Покрышкин когда-нибудь вернется снова в круг членов Академии к своей плодотворной научной работе» (Там же, л. 2).

Совет и Правление РАИМК без лишних слов удовлетворили ходатайство П. П. Покрышкина 3 января 1921 г. (Там же, л. 3).

После этого Петр Петрович прожил чуть более года. Безотказно посещая умирающих в больничных бараках, он в 1921 г. заразился оспой, но сумел, с грехом пополам, поправиться. В конце января 1922 г. слег опять — уже с сыпным тифом — и больше не встал. В тифозном бреде молился: «Даруй мне, Боже, крылья улететь к Тебе, Создатель мой. Возьми меня из этого грязного и смутного мира в Твое блаженное Царство...». В ночь с 5 на 6 февраля 1922 г. отец Петр скончался, немного не дожив (на свое счастье) до начала реализации на местах программы «изъятия» церковных ценностей. День его похорон был будничным, но, несмотря на это, умершего священника провожала в последний путь огромная толпа народа (Дегтева 2004).

Литература

Бенуа А. Н. 2003. Мой дневник: 1916–1917–1918. М.: Русский путь.

Бенуа А. Н. 2010. Дневник 1918–1924 годов. М.: Захаров.

Варшавский С., Рест Б. 1939. Эрмитаж. Л.: Искусство.

Дегтева О. В. 2004. Служение Отечеству и Церкви. Петр Петрович Покрышкин // Нижегородская старина 9, 30–35.

Жуков Ю. Н. 2006. Сталин: операция «Эрмитаж» // Электронный журнал Арт&Факт 4, <http://artifact.org.ru/annotatsii-knig/yu-zhukov-stalin-operatsiya-ermitazh.html>.

Зубов В. П. 2004. Страдные годы России. Воспоминания о Революции (1917–1925). М.: Индрик.

Измайлов Н. Ф., Пухов А. С. 1967. Центробалт. Изд. 2-е. Калининград: Книжное изд-во.

Качалова В. Г. 2000. Государственная политика России в области охраны культурных ценностей (XVIII–XX вв.). Дис. ... д-ра истор. наук. СПб.

Лапшин В. П. 1983. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М.: Советский художник.

Медведева М. В. 2003. Петр Петрович Покрышкин и проблемы охраны памятников (по материалам архивов ИИМК РАН) // АВ 11, 379–387.

Медникова Е. Ю. 1995. Деятельность академика архитектуры П. П. Покрышкина в Императорской Археологической комиссии (по материалам рукописного архива ИИМК РАН) // АВ 4, 303–311.

Платонова Н. И. 1989. Российская Академия истории материальной культуры. Этапы становления // СА 4, 5–16.

Платонова Н. И. (в печати). РАИМК и кампания по изъятию церковных ценностей в Петрограде // Очерки истории отечественной археологии. Вып. IV. М.: ИА РАН.

- Платонова Н. И., Мусин А. Е.* 2009. Императорская Археологическая комиссия и ее преобразование в 1917–1919 гг. // Мусин А. Е., Носов Е. Н. (ред.). Императорская Археологическая комиссия. 1859–1917. СПб.: Дмитрий Буланин, 1065–1115.
- Пржиборовская Г.* 2008. Лариса Рейснер. М.: Молодая гвардия.
- Смирнов И. С.* 1960. Ленин и советская культура. Государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства (октябрь 1917 г. — лето 1918 г.). М.: Изд-во АН СССР.